

ЭВАРТ
ОКШОТТ

МЕЧ В ВЕК РЫЦАРСТВА

КЛАССИФИКАЦИЯ

ТИПОЛОГИЯ

ОПИСАНИЕ

Эварт Окшотт
Меч в век рыцарства.
Классификация,
типология, описание

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616945

Меч в век рыцарства. Классификация, типология, описание:

Центрполиграф; М.; 2007

ISBN 978-5-9524-3315-1

Аннотация

В основу книги легло четвертьвековое изучение средневекового меча, а именно европейского оружия 1100-1500-х годов, не только как археологического артефакта, но и как благородного вида оружия практического назначения. Вы узнаете, что рыцарский меч произошел от длинных железных мечей древних кельтов, о скандинавских прародителях рыцарского оружия и много других интересных исторических фактов. Автор приводит классификацию типов мечей, разновидностей форм наконечников, указывает особенности рукоятей и ножен, описывает стили украшения крестовых гард.

Содержание

Введение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эварт Окшотт

Меч в век рыцарства.

Классификация, типология, описание

Введение

До недавнего времени средневековый меч считался оружием неизменной (хотя и не слишком точно определенной) формы, грубым инструментом для убийства, очень тяжелым, неудобным и кровавым. Одновременно он рассматривался как символ некоего ложного романтизма. Этого взгляда придерживались даже некоторые ученые и коллекционеры оружия. Жив он и сегодня благодаря трудам отдельных историков, не говоря уже о писателях – творцах исторических романов, которые, как правило, не имеют должного интереса к этому замечательному виду оружия и потому смело заявляют, что меч слишком жесток, тяжел, неудобен, да и вообще неэффективен. Подобные заявления, являясь следствием недостаточных знаний о средневековых мечах, вводят читателей в заблуждение, особенно если исходят от авторитетных источников.

Предлагаемая работа является попыткой на основе длившегося четверть века изучения европейского меча 1100–1500 годов вернуть этому удивительному оружию его истинный вид и значение. А поскольку изучение было не только академическим, но и практическим, меч предстанет перед читателем не просто как археологический артефакт, изученный, проанализированный и классифицированный, а как самое благородное оружие, когда-то имевшее большую ценность для людей и служившее им верой и правдой.

Очевидно, стоит начать с попытки понять, почему со временем возникло упомянутое ошибочное представление о мече. В чем причина недоразумения? Прежде всего, вероятно, в относительной редкости и недоступности материалов для исследования. Среди большого количества оружия, дошедшего до наших дней, лишь очень немногие экземпляры могут быть отнесены к периоду, предшествовавшему Ренессансу. Единственные средневековые мечи, которые сегодня доступны для обозрения, – это черные и изъеденные коррозией экземпляры, надежно укрытые за толстыми стеклами музейных витрин. Найденные в процессе раскопок, они имеют такое же отношение к «живым» мечам того периода, как и ржавые обломки, поднятые из донных отложений, к величественным древним судам, частью которых они некогда являлись. Подобные со временем изрядно видоизмененные предметы, которые можно увидеть, но нельзя представить в действии, вполне могут произвести впечатление неудобных

и неэффективных. Добавьте к этому фантазии романтических писателей прошлого, которые, желая придать своим героям черты супермена, заставляют их размахивать огромным и тяжелым оружием, демонстрируя таким образом силу, намного превосходящую возможности современного человека. А завершит картину эволюция отношения к этому виду оружия, вплоть до презрения, которое питали к мечам любители утонченности и элегантности, жившие в восемнадцатом веке, романтики Елизаветинской эпохи и почитатели великолепного искусства эпохи Возрождения. Становится понятным, почему оружие, доступное для обозрения только в его упадочном состоянии, может считаться непродуманным, грубым, тяжеловесным и неэффективным. Конечно, всегда найдутся люди, для которых строгий аскетизм форм неотличим от примитивизма и незавершенности. Да и железный предмет длиной чуть меньше метра вполне может показаться очень тяжелым. В действительности средний вес таких мечей варьировался между 1,0 и 1,5 кг, причем они были сбалансированы (в соответствии с их назначением) с той же тщательностью и мастерством, как, к примеру, теннисная ракетка или удочка. Бытовавшее мнение о том, что их невозможно удержать в руках, является абсурдным и давно устаревшим, однако продолжает жить, как и миф о том, что облаченных в доспехи рыцарей мог поднять на коня только подъемный кран.

Мечи красивы строгим совершенством линий и пропор-

ций – а ведь именно в этом суть красоты, – сравнимым с великолепными творениями гончаров. Хороший меч имеет нечто общее, скажем, с китайскими гончарными изделиями династии Сунь, чье эстетическое влияние на человека усиливается несоразмерностью с их практическим применением.

«Рыцарский» меч ведет свое происхождение от длинных железных мечей древних кельтов и далее, через мечи периода викингов и эпохи Великого переселения. Это оружие первых четырех веков до нашей эры, немало образцов которого было найдено в различных частях Европы, имело широкие плоские клинки с двумя режущими краями (лезвиями), идущими почти параллельно друг другу и заканчивающимися лопатовидным или закругленным острием. Большинство континентальных мечей имеют среднюю длину около 76 см от острия до плеч клинка и 15–18 см от плеч до головки рукоятки. Они обычно имеют ширину около 5 см и сужаются к острию до 3,5 см. Следует отметить, что почти все образцы кельтских мечей, найденные на Британских островах, значительно меньше и не отличаются высоким качеством, зато мечи, найденные на континенте, изготовлены с большим мастерством. Как правило, все они имеют неглубокий широкий дол, идущий вдоль всего клинка, а самые лучшие – даже двухрядный дол.

Такие мечи использовали кельтские и тевтонские варвары на протяжении всего римского периода. Вспомогатель-

ная кавалерия Рима, обычно галльская или германская, была вооружена длинными мечами (спата), в отличие от коротких острых мечей легионеров (гладиус). Многие из этих мечей были совсем не похожими на мечи варваров. Они имели узкие заостренные клинки с жестким плоским четырех- или восьмиугольным сечением, как у мечей четырнадцатого и пятнадцатого столетий. Несколько римских кавалерийских мечей было найдено на юге Дании – в основном в Вимозе, вместе с обычными широкими мечами древних кельтов и тевтонцев, которые к началу третьего века нашей эры были приняты в Скандинавии и на Севере. Только в этот период они имели более изящные пропорции, чем их предшественники.

К концу периода Великого переселения преобладали более широкие и тяжелые клинки, а около 900 года, в период викингов, вошел в употребление новый тип клинка – лучше сбалансированный и более изящный по форме. Эти клинки имели те же пропорции, что и некоторые старые кельтские: длина от эфеса до острия – примерно 75 см, ширина в районе эфеса – 5 см и более. Они сужались более резко, чем их непосредственные предшественники, а центр баланса располагался ближе к эфесу; ими можно было рубить с большей силой и скоростью. От этого типа клинка, с развитием которого тесно связана известная фирма Ulfberht, и произошел меч позднего Средневековья.

Скандинавские предшественники рыцарского оружия бы-

ли проанализированы и классифицированы Бемером и Петерсеном, а позднее тайнам скандинавского меча посвятила свои труды Хильда Дэвидсон, связав археологический материал Бемера, Петерсена и исследователей более позднего периода с литературными и художественными источниками первого тысячелетия нашей эры. Поэтому я представляю это оружие только там, где необходимо сохранить непрерывность картины или объяснить эволюции при изложении аналитического обзора, в котором может быть выработана типология меча начиная со времени, на котором остановились Петерсен и Дэвидсон, то есть с конца периода викингов.

В большинстве главных музеев Европы, так же как и во многих провинциальных, очень мало мечей, относящихся к периоду 1000–1500 годов. Большинство из имеющихся были найдены при раскопках, рытье котлованов или в руслах рек. Вряд ли хотя бы один из них был обнаружен вместе с предметами, поддающимися точной датировке. Почти все они первоначально осели в частных коллекциях, где и пребывали на протяжении нескольких поколений, прежде чем попали в музеи, и информация о месте их находки оказалась безвозвратно утраченной, будучи вытесненной историями весьма сомнительного происхождения. Последних расплодилось так много, что поневоле сомневаешься в происхождении чего бы то ни было, конечно, если нет соответствующей документации.

Хотя оказалась возможной классификация формы евро-

пейских мечей по типам и подтипам, о времени и месте их «рождения», опираясь на доступные сегодня материалы, говорить достаточно сложно. Возможно, последнее утверждение следует несколько уточнить. Прежде всего, что мы имеем в виду, говоря о датировке такого предмета, как меч? Хотим ли мы знать примерную дату его изготовления, или приобретения первым хозяином, или период, в течение которого меч находился в использовании? Например, можно предположить, что клинок, сделанный в 1250 году, не был немедленно отправлен к изготовителю эфеса и несколько лет пролежал без дела. Допустим, этот клинок стал оружием в 1254 году и перешел в собственность некоего молодого рыцаря, который не расставался с ним до самой своей смерти, последовавшей в 1300 году. Его изображение с мечом на надгробии было сделано года через два-три. Историк, живущий в двадцатом веке, вполне обоснованно решит, что на могильной плите изображен рыцарь в боевых доспехах 1300 года. Но так ли это? Рыцарь, даже богатый, вряд ли стал бы приобретать совершенно новое облачение каждые несколько лет, чтобы не отстать от моды. Более вероятной представляется постепенная замена отдельных элементов экипировки по мере их износа, например щита. Любой рыцарь, участвовавший в сражениях, за свою жизнь сменил немало щитов. Но шлем и меч могли служить ему очень долго, а доспехи можно было заменять по частям – это целесообразнее и намного дешевле, чем их полная замена.

Итак, меч, изображенный на гипотетическом могильном камне, вполне может быть собственным мечом рыцаря, с которым тот не расставался всю жизнь и который при погребении лежал в гробу вместе с телом или был положен на могилу. Иными словами, это будет меч не 1300, а 1258 года. Вопрос еще больше запутывается, когда мы вспоминаем, что большинство воюющих рыцарей владели больше чем одним мечом. К тому же мы точно не знаем, изображали ли рыцарей на могильных камнях, облаченными согласно моде своего времени или согласно моде, существовавшей в то время, когда сооружалось надгробие, то есть через десятилетие или даже два после смерти рыцаря. Представляется вероятным, что на некоторых надгробиях изображено оружие, верой и правдой служившее покойному, а на других – оружие, вошедшее в моду уже после кончины рыцаря. Но как их различить?

Памятник из позолоченной латуни Черного принца в Кентерберийском соборе – пример первого типа надгробий. Сегодня известно, что шлем и латные рукавицы из покрытой позолотой меди, которые висели над могилой, являются деталями настоящего боевого облачения рыцаря, и принц вполне мог ими пользоваться. Они в мельчайших деталях совпадают с изображением на надгробии, поэтому и остальное облачение, судя по всему, должно относиться к периоду жизни принца.

Этого нельзя сказать о великолепном памятнике Ричарду

Бошампу, графу Уорвику, в церкви Святой Марии в Уорвике. Этот видный деятель своего времени умер в 1432 году, но изображение на надгробии было выполнено только двумя десятилетиями позже. Документ об его изготовлении сохранился до наших дней. «У. Остен, гражданин Лондона и литейщик, согласен отлить и изготовить из превосходной латуни изображение вооруженного человека, должным образом украшенное, а именно: с мечом и кинжалом, орденом Подвязки, шлемом и гребнем под головой, а у ног убитый медведь и грифон. Все должно быть изготовлено из латуни в соответствии с образцами». Были ли эти образцы (модели для доспехов, меча, шлема и т. д.) поставлены из собственного облачения графа или из запасов оружейных мастеров? Если использовались предметы, принадлежавшие графу, вероятно, это были те, которыми он пользовался в последние годы своей жизни. Если же их позаимствовали у оружейного мастера (а где еще мог раздобыть упомянутые образцы Уильям Остен?), не были ли они устаревшими? Ни на один из вопросов невозможно получить точный ответ. В рассматриваемом случае создается впечатление, что, каким бы ни был источник «образцов», вооружение и доспехи были лучшими и самыми современными, доступными около 1450 года. Они в точности соответствуют миланским доспехам, относящимся, как известно, именно к этому периоду. Но что можно сказать о многочисленных памятниках из алебаstra и песчаника, изображающих менее значительных людей, про-

стых рыцарей и деревенских сквайров? До нас дошли два документа, касающиеся таких надгробий, относящихся к первой половине пятнадцатого века, в которых имеется фраза «в соответствии с образцами», дающая понять, что исполнители воли покойных ожидали, что на надгробиях будут изображены настоящие доспехи и оружие. Однако нет никаких свидетельств того, какое именно боевое облачение украшало гробницу: принадлежащее покойному или любое другое, бывшее в ходу в то время.

Два упомянутых выше великолепных памятника (их можно сравнивать между собой, но никак не с другими) – это воплощение противоположностей. Фигура Черного принца дает нам *terminus post quem*,¹ потому что его оружие, совершенно очевидно, относится ко времени его жизни. Гробница графа Уорвика дает нам *terminus ante quem*,² потому что изображенное на ней оружие является самым распространенным, вошедшим в моду в двадцатилетний период после его смерти. Несмотря на великое множество надгробных памятников в Европе, мы можем выбрать только некий средний, компромиссный, критерий и предположим, что доспехи и оружие, на них изображенные, могут относиться к стилям, распространенным как во время жизни покойного, лежащего под этим надгробием, так и после его смерти. Установить дату мы можем только с точностью до нескольких де-

---

¹ Предел, после которого (*лат.*).

² Предел, до которого (*лат.*).

сятилетий.

Таким образом, пытаясь датировать меч или определенный тип мечей, вероятно, наиболее целесообразно обозначить период, когда им могли пользоваться, хотя этот период может оказаться слишком продолжительным, и датировка не будет точной. В скандинавской литературе существует много упоминаний о мечах, использовавшихся несколькими поколениями, или о тех, которыми рыцари пользовались всю жизнь и оставляли в наследство потомкам. Так что здесь речь может идти о промежутке времени в столетие или даже больше. Свидетельства столь же долгой жизни мечей в период позднего Средневековья не столь многочисленны и очевидны, но все же их слишком много, чтобы не принимать во внимание. Следует поискать компромисс, предложить наиболее вероятные периоды использования мечей разных типов и установить с максимальным приближением *terminus ante quem*. В некоторых случаях *terminus post quem* может иллюстрироваться индивидуальными примерами, такими как мечи из гробниц принцев, но проблема датирования оружия остается нерешенной.

Существует ряд факторов, которые помогают установить дату рождения оружия, но почти все они могут помочь не больше, чем предложить отрезок времени в полстолетия. Мода, проявляющаяся в изменении и развитии разных видов эфеса, становится более важным фактором в конце периода, однако почти не имеет значения в его начале. Разная

техника инкрустации и стили надписей на мечах бесценны для классификации, но с ними следует обращаться с большой осторожностью, когда речь идет о датировке. Наличие идентифицируемых геральдических фигур может дать относительно точную дату – в одном хорошо известном случае с точностью до двух лет, – но только дату нанесения герба на оружие. Из этого ни в коем случае не следует, что дата герба есть дата изготовления меча. Речь может идти лишь о времени его приобретения или дарения. Еще в меньшей степени эта дата может свидетельствовать о времени прекращения использования меча, конечно, если он не найден в гробнице.

Различные ножны обычно считаются достойным доверия фактором для датировки. Это действительно так, но только именно для ножен, а не для меча. Ножны менялись довольно часто, особенно в Средние века, когда их постоянно носили на открытом воздухе, подвергая неблагоприятным атмосферным воздействиям. Они изнашивались быстрее, чем мечи. У меча, любимого своим хозяином, было несколько ножен, и каждые новые ножны отражали моду того времени, когда были изготовлены. То же самое можно сказать и об эфесе. Он должен был периодически меняться, также отражая изменения в моде.

Итак, формы мечей можно сгруппировать и классифицировать, но датировать их только весьма неточно. Они четко подразделяются на две группы, благодаря радикальному изменению формы, вызванному таким же коренным измене-

нием защитных доспехов, против которых были направлены. Это изменение произошло примерно между 1275 и 1350 годами, то есть в течение переходного периода, продлившегося три четверти века, во время которого появились некоторые переходные типы. Можно с уверенностью сказать, что меч одного из типов в группе 1 (мечи против кольчужных доспехов) изготовлен до 1300 года, а меч из группы 2 (мечи против пластинчатых доспехов) изготовлен после 1350 года. Но поскольку период мечей группы 1 длится с 1000 по 1300 год, а мечей группы 2 – с 1350 до 1550 года, датировка может быть только весьма приблизительной. Дело еще более усложняет тот факт, что мечи некоторых типов группы 1 снова стали популярными после 1450 года. Переходные типы, изготовленные против доспехов из кольчуг, пластин или их комбинации, являются единственными, которые можно уверенно отнести к 1300–1350 годам – к периоду в полстолетия.

К счастью, для датировки типов мечей мы можем не ограничиваться изучением только археологических находок. Бесчисленные средневековые произведения искусства, изображающие мечи и доспехи – все виды оружия и боевого облачения, – факторы первостепенной важности. Археологу наших дней повезло, если средневековый художник был человеком скрупулезным (и не археологом): он рисовал или лепил то, что видел, не больше и не меньше; в его работах отсутствуют искажения и аффектация, выполненные «во имя искусства». Конечно, существуют и откровенно плохие ра-

боты средневековых художников, но их можно не принимать во внимание, потому что хороших намного больше. Большинство этих работ легко подвергаются датировке с точностью до одного-двух лет, максимум – одного-двух десятилетий. Вопрос, который возникает при определении ценности произведения искусства для датировки изображенных предметов, аналогичен вопросу, касающемуся изображений на надгробиях. Произведение художника ясно показывает, что он либо был сам хорошо знаком с военным делом и предметами, которые изображал, либо пользовался моделями. Были ли эти модели самыми современными, или он использовал любые доступные? Художник тринадцатого века, иллюстрирующий манускрипт сценами войны Саула и Давида, скорее всего, изображал оружие и доспехи, использовавшиеся в то время, когда он выполнял свою работу, хотя, конечно, мы не можем отрицать возможность того, что он в юности был солдатом и рисовал то, что помнил. Конечно, возможностей много, но несомненно одно: художники во все периоды Средних веков в большинстве частей Европы в своих работах проявили замечательную согласованность и постоянство. Выберите любой период, и окажется, что изображения на гробницах, художественные скульптуры и иллюстрации в манускриптах – все показывают одинаковые виды доспехов и оружия, лишь с небольшими вариациями. Если предположить (и это будет вполне разумно), что все нарисованное или вырезанное было именно тем, что использовалось в то вре-

мя, мы можем поставить рядом имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы и произвести вполне достоверную датировку – в пределах половины или четверти столетия.

Этот метод использовался в приведенных ниже классификациях, но следует помнить, что новые находки доселе неизвестных документов могут повлиять на сделанные выводы.

С проблемами, связанными с любой попыткой установить конкретные регионы происхождения разных типов мечей, иметь дело проще, поскольку они вообще не имеют решения. Даже для эпох викингов и Великого переселения было возможно предположить лишь в порядке рабочей гипотезы, что некоторые точно определенные типы (типы эфесов и стили украшений, клинки вряд ли рассматривались Бремером и Петерсеном) произошли из того или иного региона. Основанием для гипотезы является размещение находок и декоративный стиль. Но в те времена вооруженные отряды и отдельные воинствующие элементы нередко совершали дальние походы и набеги. Они могли оставить свое оружие в местах своих странствий или умереть вдали от родного дома, они могли лишиться оружия самыми разными способами, например обменяв его на оружие других воинов. Поэтому меч норвежского типа можно найти в захоронении на территории Болгарии, а меч франка – в Югославии, но это вовсе не означает, что первый является болгарским мечом, а второй – далматским. В начале Средних веков даже не су-

ществовало такой региональной классификации. То здесь, то там может неожиданно обнаружиться эфес странной формы или необычно украшенный, но в основном мечи демонстрируют замечательное единообразие в рамках своих типов – от Финляндии до Сицилии и от одиннадцатого века до шестнадцатого. Иногда в мечях пятнадцатого века просматриваются некоторые, хотя и неявные, черты, которые вводят в искушение утверждать, что меч выполнен в итальянском или германском стиле. Этот вывод базируется по большей части на частоте, с которой одни или другие стили появляются в произведениях итальянской или немецкой живописи. Существует один тип, который, судя по всему, имеет явно скандинавское происхождение; большинство принадлежащих к нему образцов датируется 1440–1480 годами.

В век рыцарства меч был широко распространенным оружием. Как, например, меч мог попасть к среднему англичанину? Он мог купить его в ближайшем городе, на ярмарке или у путешественника, у которого оказался меч одного из крупнейших производителей оружия из Милана или Пассау, Аугсбурга, Кельна или Бордо. Где бы он ни купил меч, клинок определенно был изготовлен в одном из перечисленных выше мест, хотя эфес мог быть сделан в Париже или Лондоне, Солсбери или Честере, Норвиче или Глостере. Англичанин также мог получить меч от своего феодала, который вполне мог оказаться нормандским бароном, завоевавшим меч в сражении с испанским рыцарем, который приобрел его

в Севилье. Или он мог завоевать его на полях сражений Аквитании или на саксонском турнире. Кого бы он при этом ни победил, чтобы выиграть меч, оружие происходило из мест, весьма удаленных от Англии. Или опять же он мог получить его от родственника, хранившего эту реликвию, завоеванную им на Сицилии, в течение полувека.

Когда же наш гипотетический англичанин расстался со своим оружием, которое в конечном счете было найдено археологами двадцатого столетия? Он мог умереть, владея им, и меч был помещен вместе с ним в могилу, или он мог пожаловать его своему собрату по оружию в Аутремере – воистину, нет числа возможным злоключениям, которые претерпел меч, прежде чем был найден и попал в витрину провинциального музея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.